

А. П. БАРАНЦЕВ (Петрозаводск).

О ЛЮДИКОВСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПАМЯТНИКЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА

1. Карелы, называющие себя *tyydilaine* 'людинец', проживают в Карельской АССР на северо-западном побережье Онежского озера вблизи городов Петрозаводска и Кондопоги. В прошлом людиковский ареал был значительно обширнее и в восточном направлении охватывал все Заонежье — большой северный полуостров Онежского озера. На лингвогеографической карте края людиковский диалект (наречие) занимает промежуточное положение, он соединяет прионежские вепские говоры с собственно карельскими и ливвиковскими.

В 1976 г. мы обратились к изучению нерасшифрованных рукописных языковых материалов XVII в., связанных с Карелией. Сразу же оговоримся, что документы не являются ни абсолютно новыми, ни совершенно неизвестными — до нас они оставались непрочитанными. Забытый памятник составляет небольшую часть рукописного сборника заговоров, он записан с помощью русской графики. Рукопись хранится в библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде, его шифр — отдел рукописей 21 : 9. 10. Сев. 636.

Публикуемая статья посвящена изложению итогов расшифровки и прочтения этого финноязычного (в широком смысле) памятника и идентификации его языка. Предварительная информация сообщена нами в докладах на Международном симпозиуме по прибалтийско-финским языкам (Петрозаводск 1979) и XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов (Сыктывкар 1979).

2. Старинный сборник заговоров нашел Лев Малиновский, преподаватель Петрозаводской духовной семинарии, в одной из деревень Заонежского полуострова. В 1876 г. он впервые опубликовал часть русских заговоров (Малиновский 1876). В публикацию не вошло около трети русскоязычных заговоров, а также фрагменты текстов, записанные тарабарщиной, т. е. тайнописью. В том же году статья была перепечатана (Малиновский 1875—1876). Почти сразу же после появления первой публикации Малиновский подарил свою ценную находку Олонецкому музею (ОГВ 1876 № 16 : 170).

В начале нашего столетия сборник был переслан из Петрозаводска в Петербург в библиотеку Академии наук. Здесь он был библиографически описан видным русистом В. И. Срезневским. В приложении к своей работе он опубликовал почти полностью русскую часть рукописи (Срезневский 1913 : 481—512). В. И. Срезневский указал также, что сборник заговоров написан несколькими почерками.

Малиновский датировал сборник XVIII веком, он не владел, вероятно, карельским или вепским языком и не смог прочитать нерусские записи. Поэтому он не опубликовал финноязычные тексты. Но в целом Малиновский отметил, что нерусские заговоры «писаны на корельском языке Повенецкого наречия» (Малиновский 1876 № 16), т. е. на языке собственно карел, проживавших в Повенецком уезде Олонецкой губернии. Хотя последнее утверждение ничем не подкреплено, это высказывание игнорировать нельзя: в середине прошлого века в духовной семинарии Петрозаводска велось преподавание карельского языка как предмета. Малиновский мог обратиться за помощью к людям, знавшим особенности местных диалектов.

В описи рукописных собраний книгохранилищ северной России сказано, что сбор-

ник заговоров записан мелкой скорописью конца XVII — начала XVIII в. (Викторов 1890 : 310).

В. И. Срезневский — крупный специалист в области древнерусского языка расшифровал все отдельные части русских заговоров, записанные тарабарщиной. В результате он определил время создания сборника более точно — вторая четверть XVII в. В одном заговоре записано тарабарщиной имя царя Михаила Федоровича; как известно, он правил в 1613—1645 гг. (Срезневский 1913 : 196).

По просьбе Срезневского финский языковед Э. Н. Сетяля занимался определением языка нерусских текстов. Он считал, что последние записаны на «весском» языке. Первые строки вепских магических формул перевел на русский язык другой финский лингвист В. Мансикка (Срезневский 1913 : 196). Срезневский перечислил все «весские» заговоры, представленные в рукописи, и привел первые строки текстов с переводом их на русский язык.

В последующие годы высказывания В. И. Срезневского и Э. Н. Сетяля о возрасте рукописи и языке нерусских записей стали господствующими. В 1957 г. вышел в свет коллективный труд очерков по истории Карелии. В нем, в частности, опубликована фотокопия одного листа с вепской записью (Очерки 1957 : 155).

Последнее упоминание о примечательном сборнике содержится в обобщающем труде о вепсах, там же вторично приводится фотокопия страницы с вепским заговором. Приоритет обнаружения рукописи приписан здесь ошибочно В. И. Срезневскому (Пименов 1965 : 185). Группа языковедов, консультировавших В. В. Пименова, пришла к выводу, что фрагменты нерусского текста на фотокопии страницы рукописи записаны на ныне исчезнувшем языке; он был, очевидно, промежуточным образованием между вепским языком и людиковским наречием карельского языка (Пименов 1965 : 186).

3. Мы осуществили сплошную и полную расшифровку и чтение всех финноязычных заговоров. Их оказалось десять. Они зафиксированы четырьмя группами в различных местах рукописи. Первые четыре заговора написаны на листах 18—19, пятый — на листе 27, шестой и седьмой — на листе 36, остальные три — на листах 40—41. Нерусские тексты имеют различный объем и неодинаковую степень смысловой целостности; восьмой заговор, например, не имеет конца, девятый (его фотокопия опубликована) — начала: листы с недостающими фрагментами не сохранились.

Первый же лингвистический осмотр прочитанных документов показал, что финноязычные тексты неоднородны по фонетико-морфологическим признакам. В них встречаются вепские, ливвиковские и собственно карельские черты. Приведем наиболее показательные случаи.

Вепсизмы:

1. Сохранение звонких взрывных согласных в закрытом слоге середины слова¹, напр.: *амбунъ* / *ambun*₂, 'я стреляю'; ср. вепс. *ambun*, кар. ливв. *aṁṁun*; *анда* / *anda*₄, 'дай', ср. вепс. *anda*, кар. ливв. *anna*; *кядецъ* / *kādes*₁, 'в руке'; ср. вепс. *kādež*, кар. ливв. *kiäs* ~ *kāis* ~ *kāes*; *мягет* / *māget*₃, 'горы'; ср. вепс. *māgeđ*, кар. ливв. *māit* ~ *mājet* ~ *māet*; *ялгат* / *jalgat*₁₀, 'ноги'; ср. вепс. *jaugad* ~ *đaugad* ~ *jāgad*, кар. ливв. *jalat* ~ *jallat*; *эгес* / *joges*₇, 'в реке'; ср. вепс. *joges* ~ *gōges*, кар. ливв. *joves*.

2. Употребление кратких гласных в первом слоге слова вместо восходящих дифтонгов, которые восходят к исторически долгим гласным, напр.: *мъзь* / *mez*₁, 'человек'; ср. вепс. *mež*, кар. ливв. *mies* ~ *miäs*; *пяс* / *päs*₃, 'в голове'; ср. вепс. *päs*, кар. ливв. *piäs* ~ *pās* ~ *pēs* (см. Баранцев 1980 : 324—326).

3. Случай синкопы, напр.: *теръвегекъ* / *tervheks*₁, 'здоровым'; ср. вепс. *tervheks*, кар. ливв. *tervehekse*; *вастха* / *vastha*₂, 'навстречу'; ср. вепс. *vastha*, кар. ливв. *vastah*; *юмбри* / *umbri*₃, 'вокруг'; ср. вепс. *ūmbri*, кар. ливв. *ūmbäri*; *гумбрес* / *humbres*₈, 'в ступе'; ср. вепс. *humbriš*, кар. ливв. *hūmares* ~ *huhmares*; *кюмнин* / *kūmnin*₁₀, 'по десять'; ср. вепс. *kūmnin*, кар. ливв. *kūmmenin*.

4. Случай апокопы, напр.: *теръвегекъ* / *tervheks*₁, 'здоровым'; ср. вепс. *tervheks*, кар.

¹ По техническим причинам графика упрощена; цифра обозначает номер заговора.

ливв. *tervehakse*; *sein* / *sein*₃ 'стена'; ср. вепс. *sein* ~ *siin*, кар. *seinä* ~ *šeinä*, ливв. *seinü*; *poik* / *poik*₃ 'сын'; ср. вепс. *poig*, кар. *poika* ~ *poiga*, ливв. *poigu*.

Ливвицизмы (= признаки ливвиковского наречия):

1. Употребление аффрикаты *č*, напр.: *качюи* / *kačči*₂ 'смотрящий'; ср. ливв. *kaččoi*, кар. *kaččoja*, вепс. *kasui*.
2. Отсутствие синкопы, напр.: *гамбагил* / *hambahil*₁ 'зубами'; ср. ливв. *hambahil*, кар. *hambahilla*, вепс. *hambhil*; *тавагазе саи* / *taivahaze sai*₃, 'до неба'; ср. ливв. *taivahaze sai*, кар. *taivahah šuate*, вепс. *taivha sai*; *петкелел* / *petkelel*₈ 'пестом'; ср. ливв. *petkelel*; кар. *petelella* ~ *petkelella*, вепс. *petklel*; *валгедас* / *valgedas*₁₀ 'в белом'; ср. ливв. *valgies*, кар. *valgiešša*, вепс. *vaçktas*.
3. Отсутствие апокопы, напр.: *тервгекси* / *tervheksi*₁ 'здоровым'; ср. ливв. *tervehakse*, кар. *terveheksi* ~ *tervehakse*, вепс. *tervheks*; *вардиксе* / *vardikse*₂ 'для охраны'; ср. ливв. *vardikse*, кар. *vardiksi* ~ *vardikse*, вепс. *vardoks*.
4. Глагольное окончание *-u* (*-v*) в форме презенса 3 л. ед. ч. изъявительного наклонения, напр.: *новзов* / *nouzou*₁ 'он поднимается'; ср. ливв. кар. *nouzou*, вепс. *nuizob* ~ *nouzob*; *иштув* / *ištuv*₁₀ 'он сидит'; ср. ливв. кар. *istü*, вепс. *ištub*. Карелизмы (= черты собственно-карельского наречия):

1. Случаи качественного чередования ступеней согласных; напр.: *лазе* / *laze*₄ 'опусти'; ср. кар. *laze* ~ *laske*, ливв. вепс. *laske* ~ *laske*; *ялелянди* / *jäleldändi*₄ (д. б. *ялелдяни* / *jäleldäni*) 'сади'; ср. кар. *jäleldäni*, ливв. *jälles*, вепс. *gälges*.

2. Употребление аблатива, напр.: *ялелянди* / *jäleldändi*₄ (д. б. *ялелдяни* / *jäleldäni*) 'сади'; ср. кар. *jäleldäni*. Этот падеж отсутствует в людиковском и ливвиковском наречиях карельского языка, а также в вепсском языке.

3. Использование элатива, напр.: *пагинойштра* / *paginoišta*₄ 'от разговоров'; ср. кар. *paginoišta*. Падеж исчез в вепсском языке и южнокарельских — ливвиковских и людиковских — говорах.

Другой существенной особенностью языка финноязычных текстов является — и

данное обстоятельство следует подчеркнуть особо — то, что все десять заговоров имеют вепсизмы и ливвицизмы, хотя их инвентарь и соотношение колеблется от текста к тексту. Только в двух заговорах (№ 4—5) встречаются и карелизмы. В первом приближении рассматриваемые записи по языковым признакам распадаются на три группы. В первой вепсские и ливвиковские признаки представлены примерно поровну, вторая группа выделяется карелизмами, в третьей доминируют вепсизмы.

Языковая неоднородность снимает основание для попытки видеть в трех группах заговоров параллельное отражение трех близкородственных языков. Этот реальный факт скорее свидетельствует о том, что изучаемые тексты заговоров записаны на языке, который представляет собой смешанное образование.

Как указано выше, консультанты В. В. Пименова считали, что памятник, найденный в Заонежье, отражает ныне исчезнувший язык. Такое объяснение неудовлетворительно в общем контексте: прежде чем вводить в обиход понятие нового языка, хотя бы даже и отмершего, необходимо попытаться истолковать обнаруженные реалии в терминах языков, уже знакомых науке. Историкам Карелии известны племена Чуди и Корелы, а языковедам и этнографам, начиная с середины прошлого века — языки карел, вепсов, ливвиков и людинцев. Именно с ними следует попытаться связать нерусские заговоры в рукописи начала XVII в.

Поиск возможного языка имеет жесткие ограничения. Требуется найти образование, которое не было бы ни вепским, ни карельским, ни ливвиковским, но обладало бы их ведущими чертами. В северо-западном Прионежье таким объектом является только людиковское наречие, имеющее очень своеобразное происхождение.

Совокупность приведенных фактов заставляет думать, что финноязычные тексты в сборнике заговоров записаны на людиковской территории и являются скорее всего людиковскими. Опираясь на данный вывод, можно объяснить наблюдаемую языковую разнородность трех групп нерусских текстов следующим образом: пять заговоров (№ 1—3, 6—7) являются непосредственно людиковскими, два текста (№ 4—5) — людиковско—собственно-карельскими, остальные записи (№ 8—10) — людиковско-вепс-

скими. Полный параллелизм основных языковых атрибутов трех групп финноязычных заговоров и главных диалектных группировок современных людиковских говоров позволяет считать бесспорно людиковским характер расшифрованных материалов.

Наше заключение значительно ограничивает утверждения Л. Малиновского и Э. Н. Сетяля о языке записей и подтверждает их частичную правоту и взаимную непротиворечивость. Если иметь в виду также исходное вепское состояние языка людинцев, то в чем-то правы и консультанты В. В. Пименова, знакомившиеся с одной страницей текста девятого заговора.

4. Кто записал людиковские заговоры? Языковая сторона нерусских заговоров дает очень скудную информацию об этом. Как некоторый ориентир можно рассматривать тексты № 4—5, в которых имеются карелизмы. Они могли быть записаны где-то на Заонежском полуострове или в районе Логмозера — Ялгубы. В Логмозере своеобразный людиковский говор, имевший много собственно-карельских черт, просуществовал вплоть до 1940-х годов (Тугуцен 1977 : 180—183).

Диалектные свойства остальных восьми текстов сами по себе не позволяют называть места записи, поскольку непосредственно людиковские и людиковско-вепские заговоры могли быть зафиксированы в различных деревнях людиковского ареала.

Оставим временно финноязычные, точнее людиковские тексты и обратим внимание на любопытные особенности рукописи в целом.

1. Все заговоры написаны русской скорописью несколькими почерками. Первая часть сборника (листы 1—17) записана крупным размашистым почерком. В ней встречаются отдельные людиковские слова. Остальная часть (листы 18—46) резко отличается от первой: почерк писца мелкий, аккуратный. Он записал и все нерусские заговоры. Оба писца знали и пользовались тарабарской — главным образом, простой литореей.²
2. Старинный сборник имеет специфический характер: он содержит заговоры и лечебные рецепты. Фактически это — врачебальная книга, в которой зафиксировано 125 заговоров. Во многих случаях при них указываются обряды.

Составители собирали заговоры специально, причем записывали их от различных лиц. Об этом свидетельствует большое число заговоров (125), их богатое содержание и наличие людиковских текстов. Можно полагать, что собиратели преследовали практические цели, будучи не только знатоками, но и, очевидно, представителями народной медицины.

3. Рукописный справочник содержит рецепты, советы и заговоры на все случаи жизни человека. В нем имеются заговоры врачебального, хозяйственного и социального характера (последних четыре: на приход к суду, на царя и власти, на властелина и суд, на власти). В заговоре на царя и власти (л. 15 обр., 16) упоминается царь Михаил Федорович.

Присутствие в сборнике врачебальных и хозяйственных заговоров легко объяснимо. Однако для жителей глухой таежной Карелии, не выезжавших за пределы своего края, были явно ненужны заговоры социальной направленности. Поэтому можно предположить, что тексты записаны человеком, имевшим опыт общения с представителями властей русского государства.

Указанные особенности сборника заговоров заставляют думать, что рукопись создали два человека, жившие в южной Карелии в начале XVII в. Они были крупными знатоками народных способов лечения и имели, наверно, какие-то контакты с государственными чиновниками.

Предпринятый нами поиск историко-этнографических сведений о наиболее известных в Карелии деятелях народной медицины XVI—XVII вв. выявил следующее.

Единственными, наиболее очевидными кандидатами на роль составителей коллекции заговоров, которые отвечают перечисленным выше условиям, могут быть Григорий Меркульев и его племянник Кузьма Федоров, жители деревни Андриевская Ялгубской

² Не исключено, что прав Срезневский: в создании второй части сборника, возможно, участвовали и другие писцы или составители с таким же мелким почерком. Решение вопроса требует специального изучения, пока же мы можем оперировать рабочим вариантом о двух писцах.

волости Шуйского погоста, родоначальники ялгубских обельных крестьян. Они жили здесь в начале XVII в.

Сохранилась жалованная грамота царя Бориса Годунова (1601 г.), по которой «лоплянин» Гришка Меркульев и его племянник Куземка с потомством освобождались от уплаты податей «за службу их» (ОГВ 1855 № 33; ОС 1894 отд. 1: 13; Мюллер 1948 : 15). Эту привилегию в виде обеления пахотной земли подтвердили позже цари Василий Шуйский (1608 г.) и Михаил Федорович (1616 г.) (ОС 1894 отд. 1: 14—18). Среди потомков ялгубских обельных крестьян бытовало устойчивое предание, что их предки получили налоговую льготу за излечение Бориса Годунова от ран на ногах (Дашков 1842 : 108; Андреев 1855 : 22; ОС 1894 отд. 1: 2). По другой версии, Меркульев и Федоров вылечили больную ногу Василия Шуйского (Озерецкий 1792 : 212—213; Пименов, Эпштейн 1958 : 59).

В качестве ялгубских дворохозяев-своеземцев Меркульев и Федоров упоминаются впервые в 1628 г. (ОС 1894 отд. 1: 15). Однако их родственники в ялгубских деревнях Андриевской и Ананьинской зарегистрированы в писцовых книгах Лихачева (1563 г.) и Плещеева (1583 г.).

Отсутствие известий о Меркульеве и его отце Маркушке в ранних писцовых книгах можно объяснить по-разному. Мы склонны считать, что в те времена они не были, вероятно, дворохозяевами и главами семей в ялгубских деревнях, там, где проживали их родственники (ср. Витов 1962 : 130).

В царской грамоте Григорий Меркульев назван лоплянином. Не следует однако понимать данный этноним буквально. В начале XVII в. лопари уже не проживали в районе Ялгубы. Термин 'лоплянин' и его производные в южной Карелии применялись для обозначения коренных жителей местностей, где ранее обитали саамы (лопари). Население многих людиковских и русских деревень вокруг Логмозера, по нижнему течению рек Шуи и Суны именовались *лопью* вплоть до конца прошлого века (Списки 1879: № 8, 15—16, 36—56, 66—71, 79—80, 83—84, 88—92).

Писцовые книги XVI в. не дают этнических сведений по ялгубским деревням. Имеется одно сообщение: в деревне, которая размещалась «на Лакши ж на острове у Онега озера», находился двор Кондратка Семенова корелянина (ПКОП 1563: 116); он был, пожалуй, переселенцем из приладожской Карелы. Сам топоним *Ялгуба* является прибалтийско-финским по происхождению и представляет собой полуперевод чудского названия *Ялакши*, где первый компонент восходит к слову *jalka* 'нога' (Nissilä 1967 : 24), второй — к слову *lakši* 'залив'. В середине прошлого века коренное население Ялгубы еще владело людиковским языком (Тугупен 1977 : 180). Ныне эти деревни обрусели полностью.

Мы считаем, что Меркульев и Федоров были уроженцами ялгубских деревень Андриевская и Ананьинская; их предки были прибалтийскими финнами, которые поселились в Заонежье и переняли со временем этноним 'лоплянин', фигурирующий и в жалованной грамоте Бориса Годунова 1601 г. Не исключено вместе с тем, что среди предков Меркульева и Федорова были и лопари.

В последующее время высокая репутация народных лекарей из Ялгубы, представителями которых были, очевидно, и некоторые потомки родоначальников ялгубских обельных крестьян, долго удерживалась в памяти людиковского населения южной Карелии (такие воспоминания записаны нами в 1965—1973 гг.).

5. Диалектная неоднородность людиковских заговоров, особенности русского состава рукописи, существующие сведения о личностях Меркульева и Федорова — родоначальниках ялгубских обельных крестьян, общий фон жизни Шуйского погоста в начале XVII в. — все это, хорошо согласуясь и дополняя друг друга, ясно указывает на то, что составители сборника записали нерусские тексты в центральных деревнях погоста, расположенных в низовье реки Шуи и вокруг Логмозера—Ялгубы. Именно тут единственно возможно было собрать людиковские заговоры, разнородные по диалектным признакам. Как известно, главные диалектные группировки данного микроареала сохранились почти до наших дней. Они содержат людиковские и сверх того ливвиковские, собственно-карельские и вепские черты в различных комбинациях (Тугупен 1978 : 91—98).

Сокращения

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости; **ОС** — Олонецкий сборник; **ПКОП** — Писцовые книги Обонежской пятины.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А. 1855, Записки об Олонецкой губернии, Санкт-Петербург.
- Баранцев А. П. 1980, О взаимодействии языков южной Карелии в начале XVII века — *Congressus Quintus Internationalis Fennougristarum*. Turku 20—27 VIII 1980, pars 3, Turku.
- Викторов А. Е. 1890, Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России, С. Петербург.
- Витов М. В. 1962, Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков, Москва.
- Дашков В. 1842, Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении, Санкт-Петербург.
- Малиновский Л. 1876, Заговоры и слова по рукописи XVIII века. — **ОГВ**, № 15—16, 18.
- 1875—1876, Заговоры и слова по рукописи XVIII века. — **ОС**, вып. I, отдел 2, Петрозаводск.
- Мюллер Р. Б. 1948, Карелия в XVII в., Петрозаводск.
- Озерецковский Н. 1792, Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому, Санкт-Петербург.
- Очерки истории Карелии I, Петрозаводск 1957 (= Очерки 1957).
- Пименов В. В. 1965, Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры, Москва—Ленинград.
- Пименов В. В., Эпштейн Е. М. 1958, Русские исследователи Карелии, Петрозаводск.
- Списки населенных мест Российской империи XXVII, Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г., Санкт Петербург 1879 (= Списки 1879).
- Срезневский В. И. 1913, Описание рукописей и книг, собранных для императорской академии наук в Олонецком крае, Санкт-Петербург.
- Nissilä, V. 1967, Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes, Helsinki (MSFOu 144).
- Turunen, A. 1977, Lyydiläiset murresaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella. — *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja* 25, Helsinki.
- 1978, Murteiden taistelua Karjalassa. — *Kalevalaseuran vuosikirja* 58 (Lännen maita ja Karjalan kyliä), Helsinki.